

К ВОПРОСУ О СБЛИЖЕНИИ ПРАВА И ЗАКОНА

И.И. Эсмантович

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, г. Гомель

По мнению многих ученых-юристов, необходимым и важнейшим условием зарождения и развития правового государства является тенденция взаимного сближения и адекватности права и закона. Не имея современного представления о праве, закономерностях существования и развития человека и общества, научно разработанных правовых целей, принципов и ценностей, никто не может успешно издавать законы. Именно в этом, на наш взгляд, и заключается краеугольный принцип примата права, закрепленный в Конституции Республики Беларусь.

В связи с этим нам представляется необходимой выработка определенной системы правовых принципов, которые служили бы надежным основанием успешного и своевременного возведения права в законодательные решения и позитивные нормы. Приоритетное значение должен получить «правовой закон», поскольку в условиях правового государства он является фактором обеспечения прав человека, свободы и безопасности личности, гарантом ее правовой защищенности и гражданской активности. Правовой закон становится неотъемлемым компонентом культуры и цивилизованности, правового государства – государства, признающего в своей организации и деятельности примат права.

Законодатель независимо от его воли связан естественным правом и производным от него законом и потому обязан принимать государственные акты в сфере позитивных законов на основе объективной природы. Отличие социальных законов от природных состоит в том, что первые необходимо включают в себя и свое действие неотъемлемое условие жизнедеятельности людей. Без этого существенного условия, несмотря на объективность своего действия, они перестали бы существовать и действовать. Например, законы общественного разделения труда и человеческого воспроизводства не зависят от желания людей трудиться или воспроизводиться, поскольку желание также не зависит от самих людей, а люди в любом случае вынуждены желать выполнения конкретной работы для самосохранения или удовлетворения каких-либо своих потребностей, интересов, целей. В отличие от естественных законов, которые действуют по определенной четкой программе, социальные законы не имеют такой четкости, ибо обусловлены деятельностью людей, имеющих различное сознание, волю и стремление. При этом социальные законы в отличие от естественных законов, которые действуют в соответствии с определенной единой программой, включают в себя две различных программы: с одной стороны, программу существования и развития объективного мира, с другой – программу, которая складывается из сознательной и целенаправленной деятельности людей. Очевидно, что эффективность действия социальных законов будет в основном зависеть от степени единства и согласованности этих двух программ, вернее, степени соответствия человеческой (субъективной) программы естественной программе существования и развития природы, человека и общества.

Таким образом, насколько законодатель будет считаться в своей правотворческой деятельности с природными и социальными законами, настолько же люди будут считаться с изданными им позитивными законами, как общеобязательными нормами, устанавливающими конкретные правила поведения или порядок организации государственно-правовых образований с присущими функциями.

Право – объективно-субъективная данность, не зависящая от воли отдельных людей и в частности законодателя, поскольку эта данность определяется множеством материальных и духовных факторов, влияющих на мысли, волю и поведение людей. Эти факторы условно подразделяются на постоянные переменные (климат, географическая среда и т.д.) и изменчивые переменные (экономика, политика, чувство справедливости и т.п.) [1, с.11].

Право и его более или менее адекватное законодательное отражение в своей основе складывается из действия объективных закономерностей существования и развития человека и общества. К примеру, объективный закон общественного разделения труда необходимо трансформируется в конституционный принцип разделения властно-управленческого труда законодательного, исполнительного и судебного; в принцип ответственного выбора работы по полученному образованию, специальности и призванию. Естественный закон самоопределения и самоактуализации каждого человека или народа трансформируется в правовой принцип «автономии воли» и частной жизни человека (неприкосновенность его личности, жилища, свободы совести и слова и т.п.), а также в конституционный принцип права наций и народов на самоопределение. Духовный закон презумпции бессмертия человеческой души закономерно находит свое правовое и в последствии законодательное отражение в праве материального наследования престола или имущества завещателя, как правило, его генетическими или духовными наследниками. Хотя завещатель по той же причине может отказать своему законному наследнику в этом праве, если тот своим духом и образом жизни не соответствует его представлениям о себе и о своем духовном продолжении.

Право также рассматривается как продукт общего представления человека и общества о мироздании, поскольку развитие, например, физической теории о мире и Вселенной существенно повлияло на развитие правовой теории и практики многих мыслителей и общества в целом. К примеру, гелиоцентрическому представлению о мире в свое время соответствовала теории конституционной монархии; а представлению о мире, состоящем из множества галактик - теории политического плюрализма.

Таким образом, право - масштаб разумно ограниченной и сбалансированной наличной свободы, проистекающей из объективных законов существования и эволюции человека и общества, а не из предметов агитации и пропаганды, которые вытекают из изменчивых и преходящих интересов и страстей государственных деятелей и политиков, стремящихся к своим субъективным целям и программам, которые, как правило, отличны даже противоречат природным.

Возможность неадекватного законодательного отражения права в конкретной норме позитивного закона дает основание постоянно различать понятие права и закона, который всегда опосредуется сознанием законодателя. Многочисленные случаи законодательного произвола, издание неправовых, противоправных законов, дестабилизирующих естественный и эволюционирующий правопорядок, при котором искусственно ограничиваются правоспособность и дееспособность субъектов, вынужденных добиваться реализации своих естественных повседневных потребностей незаконным путем, требует серьезного подхода к созданию новых позитивных законов.

Многие теоретики права уверены, что любой закон должен содержать право, быть правовым. Различие права и закона направлено на углубление их взаимодействия, один из путей которого – совершенствование закона, приближение его к праву. Право не сводится к позитивному закону, но закон, во всяком случае, должен быть правовым [2, с.108-109; 3, с.116; 4, с.37-38; 1, с.10]. Такой подход повышает требования к законам, побуждает законодателя максимально продуманно относиться к их принятию. Так, теоретик права В. Эбель

утверждает: «Так или иначе, но в адрес законодателя всегда направляется этическое требование о том, что закон должен соответствовать идее права, справедливости, или по возможности приближаться к ней» [2, с.108-109].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что одним из направлений научных исследований в области права должно стать рассмотрение прогностических основ развития правовой надстройки общества. На наш взгляд, назрела потребность перевести планирование законодательства на прочную основу научного прогнозирования. Прогноз, как основанное на объективных данных или на интуиции знание о явлениях и процессах, которые должны, либо могут произойти в будущем, изначально присущ законодательству. «Законодатель формулирует ее (правовую норму), с известной долей прогноза. Этот прогноз может быть основан на более или менее общей идеологической концепции существующих общественных отношений, целей и средств их регламентации, либо на учете имеющейся судебной и административной практики, либо на достаточно произвольном устремлении» [3, с.115].

Планирование правотворческой, а точнее нормотворческой деятельности, должно основываться прежде всего на системе знаний, которые создают целостное представление о закономерностях и существенных связях, имеющихся в процессе планирования законодательства. Предметом планирования нормотворческой деятельности могут быть как целые области общественных отношений, так и отдельные общественные отношения. Определение конкретного общественного отношения, входящего в предмет планирования, зависит от потребностей государственно-правовой политики в данный период и должно быть результатом широкого обсуждения с учетом мнения широкого круга ученых. «Было бы хорошо, чтобы юристов привлекали к подготовке тех политических решений, которые могут касаться права. Таким образом, можно избежать возможных в будущем конфликтов», - мнение венгерских правоведов [4, с.38].

Естественно, что правовое прогнозирование в области законодательства сталкивается с трудностями, которые сопутствуют всякому прогнозированию в социальной области, обусловленному многофакторностью, сложностью процессов, протекающих в обществе; их подверженностью воздействию многих, по своему характеру случайных, факторов.

В огрубленном схематическом виде нормотворчество в законодательной деятельности можно представить в таком виде. Материальные условия жизни обуславливают общую волю так или иначе закрепить угодные господствующему классу отношения. Соответственно формируется их правосознание и юридический мотив. Последний толкает законодателя к тому, чтобы официально признать уже фактически сложившиеся правоотношения или санкционировать существующие обычаи, либо к тому, чтобы самостоятельно сформулировать новые нормы поведения в законе. То, что государственная воля выражается в законе в виде общих правил, известно. Меньше внимания обращается на то, что такие правила берутся непосредственно из жизни (для этого их надо «открыть»), а в иных случаях относительно самостоятельно формулируются в процессе подготовки закона, как результат известного обобщения жизненных ситуаций. Это значит, что объективизации государственной воли предшествует процесс ее формирования в качестве общезначительного масштаба поведения.

Роль законодателя, именно в том и заключается, чтобы открыть и сформулировать действительный закон. Законодатель должен смотреть на себя как на естествоиспытателя. Он не делает законов, он не изобретает их, а только формулирует [3, с.116; 2, с.108].

Таким образом, когда речь идет о законодательной деятельности, приходится проводить довольно тонкую грань между тем, что воля в праве по своему содержанию материально детерминирована, и тем, что воля законодателя при нормотворчестве не может противо-

поставляться объективным закономерностям, должна их вскрывать и переводить на язык закона государства: Следует учитывать к тому же, что если норма не сложилась или в ней нет объективной необходимости, то никакой законодательный акт ее не породит.

Итак, не только весь процесс законотворчества, но и сам генезис отдельных юридических норм, выходит за рамки деятельности законодателя, не сводится к государственной воле, поскольку фактические образцы типичного массового поведения и правовых по природе отношений он (законодатель) черпает не из каких-то категорических императивов, заложенных в самом разуме, а из самой жизни.

Разумеется, законодатель не может механически отражать в юридических нормах то, что уже сложилось в социальной действительности в виде фактических нормативов поведения, общесоциальных прав, норм морали, обычаев и т.п. В нормах законов фактические отношения и нормы поведения, социальные притязания предстают в том виде, в котором они будут соответствовать сознанию, воле, интересу, потребностям тех, кто осуществляет государственную власть. Тем не менее, важно то, что норма в социальном смысле чаще всего, и по отношению к важнейшим общественным отношениям, уже задана самой действительностью, если такая норма соответствует объективной закономерности, то законодатель не может с ней не считаться.

С другой стороны, законодатель, формулируя юридические нормы, оказывается связанным и с объективными закономерностями другого рода, с теми, что вытекают из специфики самого по себе юридического права. Законодатель должен учитывать уже сложившуюся систему права, логическую связь между нормами, внутреннее единство (непротиворечивость) составляющих эту систему норм; иметь в виду возможность урегулирования данных конкретных отношений соответствующего вида при помощи официального нормирования, поддерживаемого принуждением; считаться с реальными возможностями возложения юридической ответственности за нарушение нормы, которую он имеет в виду закрепить в законе, и т.д.

Из того, что мы более всего обращаем внимание на социальные условия законодательной деятельности, не следует отрицание какого-либо влияния на него природных условий и иных элементов общественного бытия. Естественная среда не обладает той степенью динамизма, который присущ социуму, но люди не могут не считаться с природными закономерностями движения материи, с географической характеристикой местности, где разворачивается их деятельность, с демографическим фактором. Человек подчинен, как живое существо, биологическим, физиологическим и психическим процессам. С другой стороны, законодательство, в свою очередь, способно в какой-то мере влиять (через общественные отношения) на рациональное использование природных ресурсов и энергетических богатств, на охрану природы, рост народонаселения и состояние здравоохранения, на борьбу со стихийными бедствиями и эпидемиями.

Можно выделить несколько основных принципов, которых должен придерживаться законодатель: 1) правовой сообразности; 2) неотчуждаемости прав и свобод человека; 3) согласованности законодательства внутри себя и с другими системами социального управления (экономикой, политикой, нравственностью, религией...); 4) функциональной целесообразности; 5) «разрешено все, что не запрещено» для граждан и наоборот — для государственных органов; 6) соответствия законодательных программ характеру и уровню стоящих перед законодателем проблем; 7) целесообразности и достаточности; определенной последовательности издания нормативных актов.

Среди юристов не сложилось единое мнение, кто же должен создавать новые нормы. Так, Н.А. Смирнов утверждает, ссылаясь и поддерживая Дидро, что «никто не может уста-

навливать законы, руководствуясь лишь личными соображениями. Воля отдельных лиц не надежна, она может быть и благой, и дурной, а общая воля всегда является благой, - она никогда не обманывается» [5, с.31].

Еще в прошлом столетии обосновывались «преимущества» так называемого юридического правотворчества в сравнении с «народным правотворчеством». И сейчас эти преимущества очень усердно пропагандируются. Например, Г. Трипель считает: «В современном обществе связь между народом и его правом, равно и как уважение к праву, значительно ослабели. Первое связано ... с незнакомством профана с правом, второе - с большим развращением, которое является печальной особенностью последних столетий. Ослабление связи между правом и народом... объясняется главным образом тем, что законы непонятны народу, даже там, где обратили внимание на общедоступное изложение текста законов. Малое уважение к праву выражается, прежде всего, в легкомысленном нарушении норм, защищенных уголовными законами, и в удивительно недостаточном неодобрении таких нарушений со стороны общественности» [2, с.110].

Г. Трипель утверждает, что необходимо избавиться от народного «правотворчества». Нельзя не видеть разницу между народным правом, если оно дается непосредственно народом, то есть людьми, необученными в области «правовой техники», и юридическим правом, которое дается юристами, сращенными вследствие учения и профессии в плотное сословие. Впрочем, как полагает Г. Трипель, уже «много тысячелетий нет господства народного права. Даже там, где законы издаются «народным представительством», эти законы в конечном счете определяют правительственные юристы, составляющие проект закона, и юристы, заседающие в комиссиях парламента и на заседаниях парламента» [2; с.111].

Для приближения и слияния закона и права необходим более тесный контакт между практикой и юридической теорией. Такому контакту способствовало бы компетентное, совместное с учеными, обсуждение предложений, направленных на упрочнение законности, совершенствования норм, методов и способов правового регулирования отношений, которые нуждаются в таком регулировании.

Если законодатель опережает ход событий или их не учитывает, то, несмотря на призывы к соблюдению правовых норм и даже меры принуждения к этому, законодательство не достигает желаемой цели, оно фактически перестает применяться, бездействует. Те же последствия наступают и тогда, когда законодательство отстает от назревших требований жизни, когда изменившиеся условия переросли официально действующие правовых нормы. Если же право отражает требования жизни, объективные условия и возможности его реализации, то оно не только закрепляет соответствующие общественные отношения, но и содействует их дальнейшему развитию.

Литература

1. Осипян Б.А. Трансформация права в закон (Теоретические и практические аспекты): Автореферат ... канд. юр. наук. - М., 1990. - 20с.
2. Керимов Д.А. Философские проблемы права. - М.: Мысль, 1972. - 472с.
3. Явич Л.С. Сущность права: Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. - Л.: Издательство Ленинградского университета, 1985. - 208с.
4. Право и законность: Пер. с венг. - М.: Юридическая литература, 1987. - 360с.
5. Смирнов Н.А. Проблемы естественного права, религии и церкви в творческом наследии Дидро // Весник БДУ імя У.І.Леніна: Навукова-тэарэтычны часопіс. Серыя3: Гісторыя. Філасофія. Эканоміка. Права. - 1992. - №1. - С.31-34.